

А. В. Смирнов

**ТОПОЛОГИЯ И ТОПОГРАФИЯ ТРАВМЫ:
ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО
КОЛЛОКВИУМА¹**

SMIRNOV ALEKSEY V.

**TRAUMATIC TOPOLOGY AND TOPOGRAPHY:
REVIEW OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC
COLLOQUIUM**

5 октября 2019 г. в рамках 6-й Международной научной конференции «Механизмы формирования зон культурного отчуждения и пограничья — 2019» (2–5 октября 2019 г., Санкт-Петербург) состоялся международный научный colloquium «Топология и топография травмы». Организаторами colloquium выступили Центр изучения зон культурного отчуждения и пограничья Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург) и Институт философии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург) при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-011-00570 А). В ходе colloquium было обсуждено соотношение культурных топосов, задающих контекст социальной и культурной коммуникации, и травматических событий, вносящих разлад в коллективную память и идентичность и требующих воссоздания и переконфигурирования культурной топологии, были проанализированы большие процессы культурной истории Запада, связанные с преодолением культурных травм и аксиологических кризисов, создавшие ее современный облик, новые институциональные и духовные системы и новые механизмы хранения и передачи опыта. Особое внимание было уделено проблемам коллективной памяти и репрезентации, в которых воссоздается или конструируется опыт травмы, и процессам символической медиации, восстанавливающим разрывы в культурной топологии и топографии. Круглый стол организован вокруг проблемно-го поля соотнесения различных представлений о связи травмы, памяти,

¹ Обзор написан в рамках исследовательского проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-011-00570 А «Теория культурной травмы: индивидуальный травматический опыт и опыт исторических катастроф».

идентичности и культурных топосов, то есть о «процессе травмы», в котором разворачивается сложная диалектика забывания—восстановления и выработка значений травмы в различных дискурсивных сферах — религиозной, эстетической, юридической, бюрократической и т. п., — в результате чего травма обретает место в общественном сознании, в коллективной памяти и идентичности. В рамках коллоквиума было сделано девять докладов.

Работу коллоквиума открыл **А. И. Бродский** (СПбГУ, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург), представивший доклад «Перед лицом Божественного Бессилия. „Травматическая” теология в истории европейской культуры». В качестве отправной точки рассуждений была взята цитата из книги С. Жижека «Кукла и карлик»: «Тайна, которой остаются верны иудеи, — это ужас божественного бессилия. И именно этот секрет „раскрывается“ в христианстве. Вот почему христианство может „наступить“ лишь после иудаизма: оно открывает ужас, с которым столкнулись иудеи». Автор отметил, что Жижек ошибается, считая, что в иудаизме «божественное бессилие» является тайной. Иудаизм и христианство различаются не столько «сокрытием» или «открытием» упомянутого «ужаса», сколько пониманием путей его преодоления. Если восполнение божественного бессилия в Ветхом завете есть восполнение с помощью «исправления мира» (тикун) и некоторого богоборчества, то восполнение божественного бессилия в Новом завете есть восполнение с помощью смирения и самоуничтожения (кенозиса). Не человек становится Богом, а Бог становится человеком. Не человек приобщается к величию Божьему, а Бог приобщается к человеческому ничтожеству. Христианское богословие обычно стремилось как-то преодолеть этот евангельский пессимизм относительно земного удела человека, что, в конце концов, и определило характерные черты того мегасообщества, которое мы именуем «европейской цивилизацией».

В докладе **К. А. Капельчук** (Университет ИТМО, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург) «Травма и событие: проблема репрезентации» были выявлены философские предпосылки, лежащие в основании дискуссии по поводу травмы, а также поставлены вопросы о возможности альтернативных способов описания коллективного опыта как травмы. Вопрос о методе исследования коллективной травмы при этом прямым образом соотносится с трактовкой онтологического статуса культурной травмы. Исследования коллективного травматического опыта представляют собой теоретически неоднородное поле, которое открывает возможность применения самых различных стратегий изучения и концептуализации как самого опыта, так

и его последствий. Травма при этом сводится либо к невыразимому событию, по поводу которого невозможно артикулированное в рамках господствующего дискурса высказывание, но которое тем не менее формирует представление о травматическом опыте, либо к самому процессу репрезентации, в котором травма оказывается произведена как эффект этого представления.

Основной тезис доклада «Европа как территория травмы», представленного **С. Б. Никоновой** (СПбГУП, Санкт-Петербург) состоял в том, что для развертывания травматической рефлексии требуется существование субъекта травмы или субъекта, структура самоосмысления которого принципиально травматична. В качестве такового выступает новоевропейский субъект, формирование которого сопровождается определенным историческим катастрофизмом и который также привносит в мир элемент катастрофизма, тотального трансгрессивного преобразования, выражаемого через посредство радикальной негативности. Этот нигилистический субъект структурируется как разрыв, как точка пустоты в мире, вызывая, как следствие, в качестве результата своей рефлексии исключительно парадоксальные определения и сдвиги в обоснованиях, деконструирующие любую цельность повествования об опыте данного субъекта и о мире, в котором он обнаруживает себя. Субъект предстает как травма мира, как разрыв, как рана или как сбой, позволяющий этому миру быть.

В докладе **Н. А. Артеменко** (СПбГУ, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург) «Устная история: проблема доступа к травматическому опыту» рассматривается связь устной истории и человеческой памяти. Метод устной истории оказывается весьма востребованным там, где не осталось больше никаких источников, кроме свидетельств человеческой памяти. Устная история позволяет изучать не столько фактическую сторону прошлого, сколько само человеческое сознание и его изменение, его трансформацию. В этом контексте особую значимость приобретает проблема «доступа» к травматическому опыту, особенности нарратива при репрезентации травматического опыта в устных воспоминаниях индивида — носителя травматического опыта, что и составило ключевую тему доклада. Если пользоваться терминологией А. Ассман, то встроенные в темпоральный режим модерна отказ от прошлого и нацеленность на будущее сменились новыми формами реактуализации прошлого. Этот факт, по мнению автора, и способствовал выделению «устной истории» в особую методологическую область исследования.

В докладе «Исторические травмы и „места памяти“» **А. М. Сидоров** (СПбГУ, Санкт-Петербург) поставил проблему переосмысления

истории в контексте травматического опыта, основываясь на идеях вышедшей в свет в 1996 г. монументальной интерпретации французской истории — книге П. Нора «Переосмысливая французское прошлое: между памятью и историей», в которой автор предложил новый взгляд на исторические, в которой автор предложил новый взгляд на исторические поворотные пункты французской истории модерна — Великую французскую революцию, Парижскую коммуну, конец Второй мировой войны и т. п. Следствиями революций и войн становятся резкие и глубокие изменения в коллективных представлениях о прошлом — от истории, которая основывалась на непрерывности памяти, к памяти, которая проецируется на прерывистость истории. Таким образом, травматический опыт, вызванный событиями — историческими поворотными пунктами, вызывает нарушения исторической непрерывности в жизни сообществ. Это подтверждается в том числе появлением в последние десятилетия большого числа публикаций, рассматривавших историю тех или иных социальных групп или народов через призму коллективной травмы, катастрофы или кризиса. Кроме того, введенное П. Нора понятие мест памяти — символических элементов, отмечающих подобные исторические поворотные пункты, — может использоваться для пространственной маркировки объектов, связанных с травматическим опытом прошлого.

В своем докладе «Виктимальная экономика и экономика памяти» **С. А. Троицкий** (СПбГУ; СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург) развил идею «виктимальной экономики» как основания для описания ряда культурных практик, в частности практик культурной памяти и культурного забвения. Категории, связанные с описанием импликации травматического опыта в мемориальную культуру (в частности травма и жертва), могут метафорически интерпретироваться в экономических категориях заимствования и возвращения долга. Представленные в современном публичном дискурсе биополитические стратегии позволяют говорить о соответствующем, то есть биополитическом, характере виктимальной экономики. Биополитический характер практик памяти отражается в том числе и на биополитическом регионализме, биополитическое конструирование субъекта рассматривает травму (вытесненный опыт) в качестве долга с отложенной выплатой. Такой подход позволяет обращаться к латентному травматическому опыту переживания пространства, обозначенному как опыт биополитического «импринтинга». Таким образом, виктимальная экономика формирует механизм сохранения (экономию) культурной памяти, который подобен системе тотального (пере) кредитования или рефинансирования долга: чем больше мы

пытаемся избавиться от символических долгов, тем большие проценты по ним придется платить в будущем.

В докладе **А. В. Смирнова** (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Trauma studies в контексте мемориальной политики России» были освещены возможные подходы к установлению концептуальной связи современных trauma studies с проблематикой memory studies (мемориальными исследованиями). Рассмотрение данных проблем было проведено на основе нескольких кейсов российской мемориальной культуры, связанных с осмыслением опыта отечественного прошлого (прежде всего истории Великой отечественной войны) в контексте изучения травматического опыта. В докладе был сделан акцент на таких вопросах, как ограниченность возможностей психоаналитической модели для описания культурных травм, особенности репрезентации травматического опыта в «дискурсе жертвы» (с учетом различия понимания жертвы как «victim» и жертвы как «sacrifice»), выделение ключевых этапов осмысления травматического опыта в отечественной мемориальной культуре (начиная с второй половины 1980-х гг.), неразрывность осмысления травматического опыта и trauma studies в целом с политическими процессами в обществе и с мемориальной политикой в частности, выделение ряда ключевых факторов, влияющих на репрезентацию травматического опыта в мемориальной культуре современной России.

Доклад **А. К. Новиковой** (СПбГУП, Санкт-Петербург) «Амбивалентность травматического опыта в операх Р. Вагнера» был посвящен эстетическим аспектам репрезентации травматического опыта. Автор исходил из предположения, что произведения Р. Вагнера представляют собой квинтэссенцию выражения новоевропейского субъекта, где конституирующие его травматические основания перестают быть имплицитными, из «внутреннего закона» превращаясь в принцип существования культуры. В рамках данного доклада были рассмотрены принципы осуществления данного превращения на примере анализа музыкальных драм Р. Вагнера. При этом была продемонстрирована специфика инициируемого ими травматического опыта, амбивалентность которого уничтожает искусство как средство выражения субъекта, в то же время превращая весь мир в «эстетический феномен». Подобное понимание роли творчества в переживании мира было характерным для темпорального режима модерна.

В. В. Дудинев (СПбГУ, Санкт-Петербург) в докладе «Авторитарный синдром в философии Теодора Адорно» проанализировала, каким образом Т. Адорно определял место авторитарного синдрома в концепции культурной травмы Германии. Изначально теория об авторитарных личностях была представлена Адорно в виде основанного

на психоаналитическом инструментарии проекта, предполагающего создание теоретической базы для выявления авторитарных склонностей у индивидов. В своем проекте Адорно исходил из предположения, что национализм немислим без массовой основы, а авторитарный потенциал является распространённым в массе. На основании прочтения работы Адорно можно сделать вывод, что авторитарный синдром не может возникнуть без четкого разделения общества на «своих» и «чужих», поэтому большинству носителей авторитарного синдрома свойственны антисемитизм или иные формы ксенофобии. Индивиду — носителю авторитарного синдрома также свойственны архаичные формы построения идентичности (например, на основе семьи или нации), благодаря которым он находит основу для своих авторитарных убеждений.

Обсуждения, сопровождавшие доклады, и заключительная дискуссия строились в основном вокруг терминологических уточнений, направленных на содержательную и концептуальную проработку понятий «культурная травма» и «субъект культурной травмы». Участниками также была отмечена необходимость более строгой понятийной дифференциации культурной и коллективной травмы, что требует тщательного анализа содержания данных понятий. Среди приоритетных направлений дальнейших исследований культурной травмы участники коллоквиума выделили необходимость выявления компенсаторных механизмов при культурной травме как на уровне субъекта, так и на уровне культуры и традиции, возможности понимания культурной травмы вне контекста, задаваемого отношением «палач–жертва». Перспективны также и исследования проблем *trauma studies* в странах с различными традициями мемориальной политики (в том числе в России), репрезентации травматического опыта, рассмотрения викариальной экономики в биополитическом контексте.

Смирнов Алексей Викторович, доктор философских наук, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики, Санкт-Петербургский государственный университет.
Smirnov Aleksey V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Culturology, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University.
darapti@mail.ru